

Зоя Воскресенская

ПОЕЗДКА В БУДУЩЕЕ

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

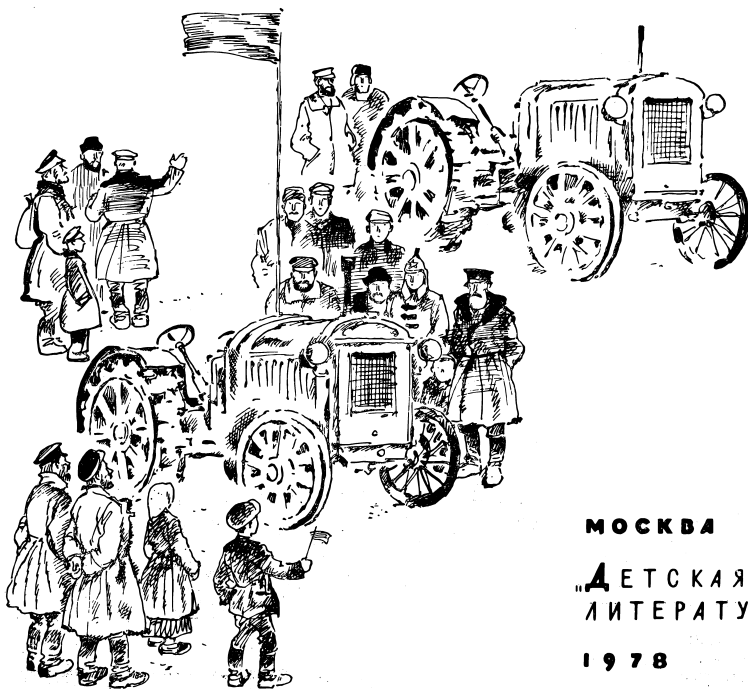

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"

30Я
ВОСКРЕСЕНСКАЯ
ПОЕЗДКА
В БУДУЩЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

1978

ЗК26
В76

Рисунки
В. Б е с к а р а в а й н о г о

В $\frac{70802-099}{M101(03)78}$ 342—78

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978 г.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна гуляли в парке. С утра моросил дождь, но к полудню прояснилось. От опавшей листвы пахло спелыми яблоками, горьковатой свежестью. Влажная паутинка елочной канителью мерцала на голых ветках кустарника. С березовых сережек сыпались летучие семена. Обнажились клены. Только дубы внизу у пруда стояли закутанные в рыжую жесткую листву.

Надежда Константиновна подбирала букет из кленовых листьев. На клумбах еще цвели розы. Но Владимир Ильич не признавал срезанных садовых цветов: в комнатах они быстро умирали. Зато поникшие незабудки в тарелке с водой поднимались лазоревым облаком и долго радовали глаз. Ромашки и колокольчики в кувшинах распускались до последнего бутона. В октябре полевые цветы заменяли осенние листья.

— Нам пора домой!—Надежда Константиновна взяла Владимира Ильича под правую руку.

Он остановился и на исполосованной граблями мокрой дорожке острым концом палки написал: «Хочу в Москву». Аккуратно вывел знак восклицательный и воткнул под ним палку.

— Вот так!

О своем желании поехать в Москву он заявил утром. Надежда Константиновна посоветовалась с врачами. Те категорически воспротивились. До Москвы больше тридцати километров. Поездка в машине по раскисшей дороге утомит. Нельзя рисковать, Надежда Константиновна настаивала: Владимир Ильич не был в Москве более пяти месяцев—тяжело болел. Теперь здоровье идет на поправку. Из дома исчезли дежурные медсестры. Владимир Ильич уже не ездит в кресле-коляске, а ходит, подстраховывая себя палкой. Начал читать вслух.

Но врачи неумолимы. Они по-прежнему не разрешают встречаться с друзьями, читать партийные

документы. Если бы смогли — запретили бы Владимиру Ильичу думать. А мысль его работает напряженно, работает непрестанно. Нельзя распоряжаться его волей.

Хоть и настаивала Надежда Константиновна, но внутренне тревожилась. И чего это вздумалось Ильичу именно сегодня ехать в Москву? За тридцать лет совместной жизни она научилась читать его мысли, угадывать каждое желание. Знала, когда надо пошутить, когда увести его от волнений сегодняшнего дня в прошлое, а то и заглянуть в будущее или просто взять его руку и помолчать.

— Володя! Может быть, ты потерпишь с Москвой? — Она умоляюще посмотрела на него. — Пройдет месячишко-другой, установится санный путь, и мы переберемся в столицу. А летом, глядишь, махнем на Волгу, поедem до самой Астрахани. В Симбирск вместе заглянем. Я тогда так и не доехала до него. И Казань посмотрим...

Владимир Ильич погладил ее по плечу.

— Надюша, не хитри!

— Честное слово, мне хочется посмотреть, какой стала Казань. Тогда, в девятнадцатом, хаос был невообразимый...

В 1919 году Надежда Константиновна ездила на пароходе «Красная Звезда», побывала в волжских городах и селах, которые недавно освободились от белых. Казань была еще прифронтовым городом: всюду топорщились оборонительные сооружения. Со-

ветская власть только восстанавливалась. Надежда Константиновна выступала перед рабочими, учителями, крестьянами в актовом зале Казанского университета. Очень волновалась. Всмотривалась в бурлящий зал, слышала возгласы: «Привет Ильичу! Спасибо Ленину!» — и невольно искала глазами кудрявого студента Владимира Ульянова. Тогда, кроме нее, наверно, никто не знал, что в этом самом актовом зале первокурсник Владимир Ульянов возглавил выступление студентов против мракобесия и притеснений царизма.

— Думали ли мы тогда, в свои семнадцать лет, что жизнь вот так обернется? Хорошо ведь обернулась? А?

— Вот поэтому мне и надо в Москву.

После обеда Владимиру Ильичу полагался час обязательного отдыха. Надежда Константиновна уединилась с Марией Ильиничной. Обе взяли отпуск, чтобы неотлучно находиться при Владимире Ильиче, и обе продолжали напряженно трудиться: по очереди уезжали в Москву, Мария Ильинична — в редакцию «Правды», Надежда Константиновна — в Главполитпросвет. Привозили оттуда груды писем, отвечали на них, готовили статьи, доклады. И все это делали так, чтобы Ильич не заметил ни их бессонных ночей, ни усталости.

— Как ты думаешь, зачем Володя рвется в Москву? — не скрывая беспокойства, спросила Мария Ильинична.

— Может быть, решил побывать на заседании Политбюро, подробно познакомиться с положением в стране, в партии?

— Я тоже сначала подумала об этом.— Надежда Константиновна помолчала.— Нет, Политбюро запретило Ильичу заниматься делами до полного выздоровления, а он, сама знаешь, человек дисциплинированный. Без приглашения на заседание не пойдет. Но, во всяком случае, надо попросить начальника охраны, чтобы в Кремле Владимир Ильич никого не встретил, не то начнутся разговоры, излишние волнения.

А поводов для волнений было тогда немало. Страна налаживала новую жизнь, преодолевала большие трудности. Оставалось еще много врагов, которых не устраивала Советская власть, были враги даже и внутри самой партии и делали свое черное дело.

— Пользуются тем, что Ильич болен, хотят увести партию с ленинского пути.— Мария Ильинична ходила по комнате, сцепив руки.

— А может быть, спешат потому, что здоровье Ильича восстанавливается и они пытаются до его возвращения успеть осуществить свои коварные замыслы.— Горькие складки залегли у рта Надежды Константиновны.— Нам надо уберечь Ильича от волнений.

Она внимательно посмотрела на золовку.

— Вид у тебя сегодня, Маняша, прямо скажем,

неподходящий. С такими пылающими щеками Володе лучше не показываться.

— Посмотри-ка лучше на себя.— Мария Ильинична потеряла ладонями щеки Надежды Константиновны.— Какая ты бледная! Я пойду предупрежу Петра Петровича.

— Да не забудь сказать Гилю, чтобы «запрягал» машину.

Надежда Константиновна стояла у окна, собираясь с силами. Всю жизнь она привыкла делиться своими мыслями с Владимиром Ильичем. У него тоже не было никаких секретов. Он любил в ее присутствии думать вслух, ей первой рассказывать о своих замыслах. А вот теперь... Как трудно бывает выдерживать пытливый взгляд Ильича, он-то хорошо понимает, что все события в стране и в партии ему рассказываются в облегченном виде. Но он умеет выслушивать истину и, как всегда, пробежав глазами по диагонали полосу газеты, выхватывает главное.

Надежда Константиновна повела плечами, словно пыталась свалить с них тяжесть, и, улыбаясь, вошла в комнату Владимира Ильича.

— Ну что ж, коли решили ехать, то давай собираться, пока светло. А то дорогу так развезло, еще застрянем где-нибудь. Очень плохая дорога, говорят.

Владимир Ильич сделал вид, что не слышит последних слов.

Он сунул пенсне в нагрудный карман, вышел в переднюю, снял с вешалки кепку. Как всегда,

Надежда Константиновна заправила ему шарф на шее, теплые, мягкие руки коснулись его щек. Он прильнул губами к ее руке, поблагодарил.

...Ехали мимо деревенек, выстроившихся по обе стороны дороги. Крыши в разноцветных заплатах, а где и соломой крыты. Женщина перешла дорогу, на коромысле несет две тяжелые деревянные бадьи с водой. «Жестяные ведра были бы удобнее и легче, да нет их пока», — вздохнул Владимир Ильич. По обочине дороги бежала стайка ребятишек с холщовыми сумками за спиной. Одеты кое-как, обуты — кто в лаптях, кто в отцовских сапогах, а двое, постарше,

просто босиком. Но все веселые, озорные — видно, не голодают.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна понимающе переглянулись. Сытые дети! Это уже большое счастье. Миновали страшные 1921 и 1922 годы. Тридцать миллионов голодающих. Сколько жизней голод унес! Вот когда Надежда Константиновна сокрушалась, что никакого золотишка нет. Обручальные кольца, да и те из медных пятакос сделаны. Единственная золотая вещь в семье — гимназическая медаль Владимира Ильича, которой он был награжден по окончании гимназии. Вот ее он и сдал в фонд

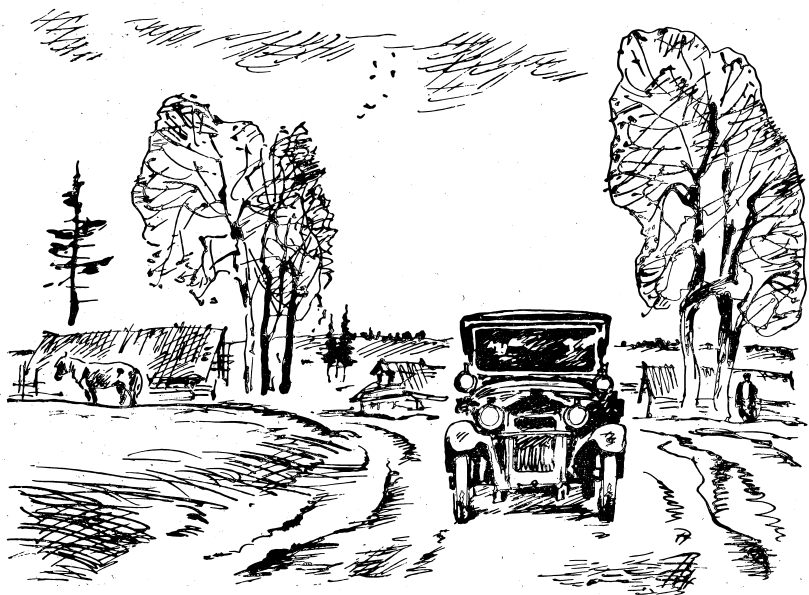

борьбы с голодом. А свою золотую медаль Надежда Константиновна продала давно, когда после тюремного заключения собиралась ехать в сибирскую ссылку. На днях управделами Совнаркома Николай Петрович Горбунов по секрету сообщил ей, что ни у кого рука не поднялась отправить медаль Ленина за границу в уплату за хлеб. Решили ее сохранить как реликвию, Владимир Ильич об этом не знает...

На железнодорожном переезде Владимир Ильич оглянулся и долго смотрел на блестящие полосы рельсов, убегавшие на юг — к Подольску, Туле...

Надежда Константиновна переглянулась с Мари-

ей Ильиничной. Они понимали, какие мысли занимали сейчас Владимира Ильича. Четверть века назад он уехал по этой дороге в сибирскую ссылку. Мать, сестры и брат провожали его до Тулы... Вернулся из ссылки в Подольск. Там, в Подольске, закладывались основы газеты «Искра», проводились совещания. Там Мария Ильинична вместе с братом Дмитрием переписывала химическими чернилами проект программы социал-демократической партии, который Владимир Ильич вез за границу. Оттуда, из Подольска, Владимир Ильич поехал в Нижний, в Уфу, чтобы заложить и там опорные пункты для «Искры»,

чтобы повидаться с Надеждой Константиновной: из Подольска он уезжал в Германию...

— От «Союза» к Союзу.— Владимир Ильич сделал широкий жест рукой и торжественно посмотрел на жену и сестру.— Каково?

Да. Все началось с «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Эта первая ячейка партии в Питере размещалась в маленькой комнате Владимира Ильича в Казачьем переулке, на старом диване с выпиравшими пружинами да на нескольких стульях «на телячьих ножках», как говорил Глеб Кржижановский. Членам «Союза» было не более двадцати — двадцати пяти лет. Это была молодая гвардия нового мира... А теперь вот уже скоро год, как существует Союз Советских Социалистических Республик, и раскинулся он от Черного до Белого моря, от Финского залива до Тихого океана...

От «Союза» к Союзу... Долгий был путь, непроторенный, тяжелый. Шли вперед. Терпели поражения...

Надежда Константиновна думает о том, как Владимир Ильич умел выходить сам и выводить партию из поражений еще более сильной, окрепшей и вести ее на новые высоты... Три революции... Затем нашествие всего злобного мира, вооруженного не только современной техникой, но и знаниями, опытом, связями, всеми когтями впившегося в молодую Советскую республику. Какой тяжелой ценой отстояли республику! А голод? Разруха? Все пришлось начинать почти с нуля. И все же самое трудное позади.

Приступили к мирному строительству. Сбылась мечта Ильича...

А Владимир Ильич держал в своей руке руку Надежды Константиновны и думал о том, как это у нее хватило сил устанавливать из-за границы связи с организациями России, растолковывать, ободрять, подсказывать... Ключи к шифрам, конспиративные адреса, клички, пароли знала все на память. А сколько «химических» писем было написано и проявлено. Как часто эти руки были покрыты волдырями от ядовитых проявителей, были сморщены, как у прачки... Без этих рук...

«Полно, полно», — говорит ее ответное пожатие.

В лиловой мгле засветились огоньки. Москва.

Машина, как старая колымага, загромыхала по булыжной мостовой, брызги веером вылетали из-под колес.

Потянулись ряды домов, в каждом окне свет. Булочная. В витрине выставлены настоящие, а не из папье-маше, пухлые ситные, белые калачи, румяные булки.

Над плохо освещенными улицами мерцала голубыми огнями реклама: из гигантского тюбика выползала белая колбаска, на ней загоралась надпись: «Чистите зубы только пастой «Хлородонт». На углу магазин «Мосполиграф», а в витрине плакат: «Я первый по успехам и прилежности, я здесь покупаю письменные принадлежности». Дальше — «Колбасная братьев Шварц», а рядом кондитерский магазин,

и над ним сияет реклама: «Нигде кроме, как в Моссельпроме».

Эти вывески говорили о многом. Советская власть, чтобы скорее выбраться из разрухи, накормить, одеть и обуть людей, разрешила частную торговлю, до поры до времени, пока рабочие и крестьяне сами научатся хозяйничать, торговать. Шло соревнование частных предприятий с государственными, кооперативными, такими, как «Моссельпром».

Владимир Маяковский включился в эту борьбу. Он не жалел своего пера и таланта, писал рекламу, славил Советскую власть.

Где-то слева высоко в небе взрывались ракеты и рассыпались разноцветными огнями. Это было гулянье на Сельскохозяйственной выставке.

Владимир Ильич снял кепку и восторженно помахал ею: приветствовал Москву, которую очень любил.

...В Кремле поднялись к себе в квартиру, никого не встретив, Владимир Ильич прошел в кабинет. Провел ладонью по письменному столу, словно здороваясь с ним: не терпелось вновь приняться за работу. Распахнул высокие двери в зал заседаний Совнаркома. Вошел в комнату секретаря. Везде неприлично пусто. Пожал плечами и вопросительно посмотрел на Надежду Константиновну: что, мол, все это значит? Куда девались люди?

— Уже девятый час,— объяснила Надежда Кон-

стантиновна, — рабочий день давно кончился. Настала пора и в Совнаркоме восьмичасовой рабочий день соблюдать, — а в душе поблагодарила начальника охраны Петра Петровича Пакална, который позаботился о том, чтобы оградить Владимира Ильича от встреч с сотрудниками, от лишних волнений.

На следующий день Мария Ильинична поехала спозаранку в редакцию «Правды». Отсутствовала недолго, вернулась сияющая, с пачкой газет.

— Как Володя? — спросила она.

— Ждет тебя, он хочет проехаться по Москве вместе с нами.

Владимир Ильич забрал у сестры газеты, «с жадностью сграбастал», заметила Надежда Константиновна, и развернул «Правду», еще остро пахнущую типографской краской, «Правду» за 19 октября 1923 года. Привычным взглядом внимательно прочитал заметку о том, что Харьковский и Луганский паровозостроительные заводы за год выпустили 56 новых паровозов и отремонтировали 109. Вздыхнул: мало. Остался доволен сообщением о том, что рабочие бакинских промыслов вместо намеченных 215 миллионов пудов нефти добыли за год 260, на целых сорок пять миллионов пудов больше запланированного. Хорошо! Аккуратно сложил газеты.

Поехали!

Владимир Ильич сам указывал шоферу, куда

ехать: мимо Большого театра, дальше по бульварам, на набережную реки Москвы.

— Дальше, дальше,— делал он знаки через стекло Гилю и посмеивался в усы, видя недоуменные взгляды жены и сестры.

Наконец Надежда Константиновна поняла. На огромном щите, украшенном новеньким гербом Советского Союза, с плаката призывно звучали слова:

Глядит глазасто
верст за сто:
все тут,
и земля и труд.

Летит перекличка:
да здоровствует смычка!
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ВЫСТАВКА.

Вот куда стремилась душа Ильича, вот ради чего он решил поехать в Москву.

Это была первая выставка Страны Советов, выставка плодов первого мирного года после изгнания белых банд и интервентов с Дальнего Востока.

Задумана она была Ильичем давно, еще в конце 1919 года. Долго прикидывали, где ее строить. Решили: на месте свалки, что раскинулась на семидесяти десятинах от Нескучного сада до Москвы-реки. Бродили по свалке старики и мальчишки с мешками за плечами, с палками в руках, выискивали старые ско-

вородки, помятые чайники, гвозди. Все это тогда было большой ценностью.

А в 1920 году пришли демобилизованные красноармейцы, сменившие винтовки на кирки, лопаты, топоры и пилы, с тачками и носилками. И конечно, появились комсомольские бригады — какая новостройка без них обойдется? Выкорчевывали пни, засыпали землей и песком ямы, выравнивали поле, трамбовали, сажали деревья и кустарники, проводили водопровод длиной в четыре версты... Все делалось вручную. И павильоны строились тоже. Все постройки — деревянные. Умельцы украсили павильоны ажурными башенками, наличниками, деревянной скульптурой.

Вдоль широкой улицы выстроились павильоны республик: по одну сторону Европейской части СССР, по другую — Азиатской. Задумана выставка была как всероссийская, собирались открыть ее в 1922 году, но этот год был неурожайный. А в декабре 1922 года был создан Союз Советских Социалистических Республик, и выставка стала всесоюзной. Готовилась к ней вся страна, как к великому празднику.

21 августа 1923 года в полдень сотни фанфар и пушечный салют возвестили об открытии выставки. Это был салют победы, салют смычки рабочего класса с крестьянством, союз дружбы народов великой семьи, который навеки получил свое гордое название: Союз Советских Социалистических Республик.

Когда на главном павильоне выставки взвился алый Государственный флаг СССР, многотысячная

толпа в едином порыве запела «Интернационал»...

Владимира Ильича избрали Почетным председателем выставки.

Он очень интересовался работой выставки. Ему привезли в Горки киноленту, и он просил много раз прокручивать фильм, останавливать кадры: вглядывался в лица людей. Но эта короткая кинолента, на которой все прыгало, мельтешило, не удовлетворила Ильича. Он хотел знать больше. Послал на выставку заведующего совхозом «Горки» товарища Павлова. Жадно слушал его рассказ, но Надежда Константиновна по глазам Владимира Ильича понимала: не то, не то ему хочется знать. Ему нужно было самому окунуться в атмосферу звуков, красок, услышать живые голоса, почувствовать настроение людей.

И вот он на выставке. Весь слух и внимание. Машина медленно ехала по дороге. Владимир Ильич надвинул кепку на самые брови; ему хотелось, чтобы кепка превратилась в шапку-невидимку. Он прислушивался к гулу разноязыких голосов. Надежда Константиновна увидела, что он побледнел: так бывало с Владимиром Ильичем всегда, когда он слушал хорошую музыку.

РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Закавказская Федерация, в которую вошли Грузинская, Армянская и Азербайджанская ССР, большие народы и малые, но все равноправные, все прислали на выставку плоды своего труда.

— Туда, туда, — нетерпеливой рукой показывал

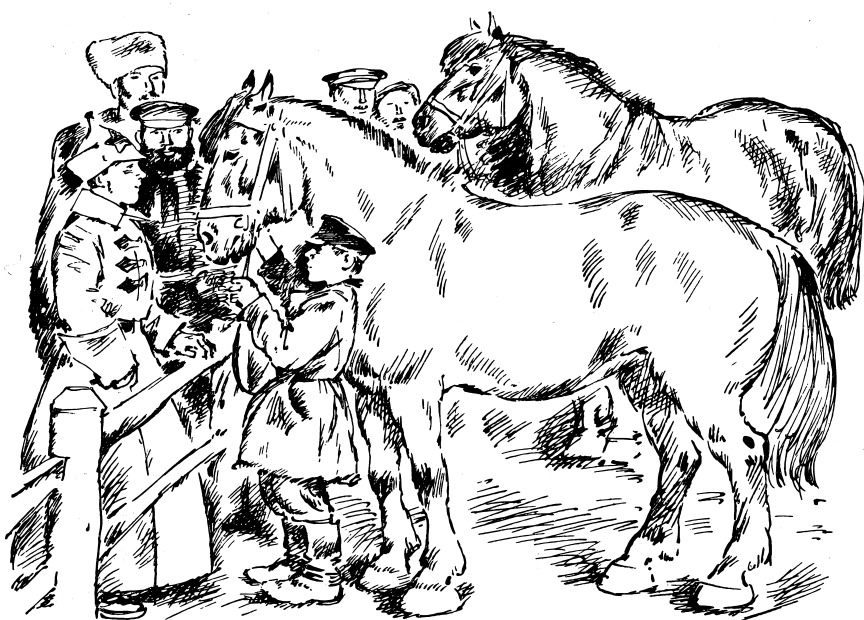

Владимир Ильич: он увидел под серебристым виадук-ком блестящий черный паровоз. Этот мощный пяти-осный товарный паровоз серии «Э» создали сормов-ские рабочие и назвали его именем Ильича. «Подар-ок Ильичу» — сверкали на красном полотнище душевные слова.

А дальше, на поле, среди ошетилившихся борон, клыкастых плугов, громадами возвышались одинад-цать тракторов-«фордзонов». На Путиловском за-воде уже создается свой первый советский трактор. А Ильич мечтает о ста тысячах тракторов... В загоне

ржут и бьют копытами лошади-тяжеловозы, а рядом на лужайке выстроились их соперники — грузовые ярко-зеленые автомашины.

У гирлянды электрических лампочек очередь. К выключателю, значительно пообтертому, тянутся руки. Многие впервые видят эти чудесные прозрачные груши, названные в народе «лампочками Ильича». Вот парнишка — видно, из деревни — повернул выключатель и, замерев, смотрит, как внутри нее краснеет, накаляется ниточка, превращается в яркий луч. Чудо!

Гиль остановил автомобиль. Владимир Ильич смотрит на ребятишек. Многим из них выпадет судьба самим строить, возводить электростанции, создавать новые умные машины, открывать тайны мироздания.

Владимир Ильич вышел из машины. Он увидел большую карту — план электрификации России — и поспешил к ней. Глазами, полными восхищения, словно впервые рассматривал разноцветные кружочки, кольца, обозначающие будущие электростанции, работающие на торфе, на сланце, на нефти и угле, и гидроэлектростанции. Тридцать станций общей мощностью полтора миллиона киловатт. Это только первый этап строительства, рассчитанный на десять — пятнадцать лет.

Надежда Константиновна стоит рядом и переводит глаза с карты на Владимира Ильича. Только он может так увлекаться цифрами, картами, диаграммами. Он за всем этим многое видит: новые гиганты заводы, огненную лаву чугуна и стали, паровозы и тракторы, машины и электрифицированные железные дороги. Около десяти миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год будут давать эти станции через десять лет. А мысль Ильича устремляется дальше. Триллион киловатт-часов в год. Когда это будет? Он не знает еще, что это будет в 1975 году, но знает, что будет.

Надежда Константиновна вспомнила годы эмиграции, когда они жили в Швейцарии, Германии,

Франции, Англии. Владимир Ильич объездил почти всю Европу.

Часто они отправлялись в длительные прогулки пешком или на велосипедах в рабочие районы, в горы, на аэродром. Владимир Ильич страстно любил природу. Но он любовался не только величественными вершинами Альп, водопадами, он часами мог стоять у плотин гидроэлектростанций. Восхищался не только дивными закатами, но и заревом доменных печей; любил следить за полетом птиц и подолгу смотрел на воздушные линии электропередач, словно видел мощные потоки энергии, которые несли провода.

Часто после прогулки он отправлялся в библиотеку и зарывался в книги, следил за технической литературой, за научными достижениями в области физики, химии... Ильич пытливыми, жадными, «завидующими» глазами русского революционера всматривался в европейскую цивилизацию, досконально изучал ее и всегда прикидывал, мысленно переносил опыт Европы на будущую Россию, когда в ней победит пролетарская революция.

«Умом Россию не понять, аршином тоже не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить», — пришли на память Надежде Константиновне стихи Тютчева. Но Ильич любил Россию самозабвенно, верил в нее, потому что понимал ее силу, ее место в будущем и мог найти кратчайшее расстояние, которое должна пройти любимая отчизна, чтобы превратиться в высокоразвитую

промышленную державу, когда во главе встанет освобожденный рабочий класс без капиталистов, крестьянство без помещиков.

Вот и сейчас он весь в будущем. Стоит перед картой ГОЭЛРО помолодевший, никаких следов болезни и усталости на лице, весь в напряжении, в действии. Влюбленными глазами всматривается в Россию будущего. Счастливыми глазами.

До прошлого года стены его кабинета были увешаны военными картами — восточного, южного, западного фронтов. Трехверстки, десятиверстки лежали свернутые в рулоны на подоконниках, на диване. Военачальники являлись к нему в кабинет и вынимали из планшетов карты военных операций. Карты, на которых в девятнадцатом году черные стрелы, как жала, были нацелены со всех сторон на Москву. Большая часть страны была под игом интервентов. Черные извилистые линии фронтов, как шрамы, покрывали живое тело страны.

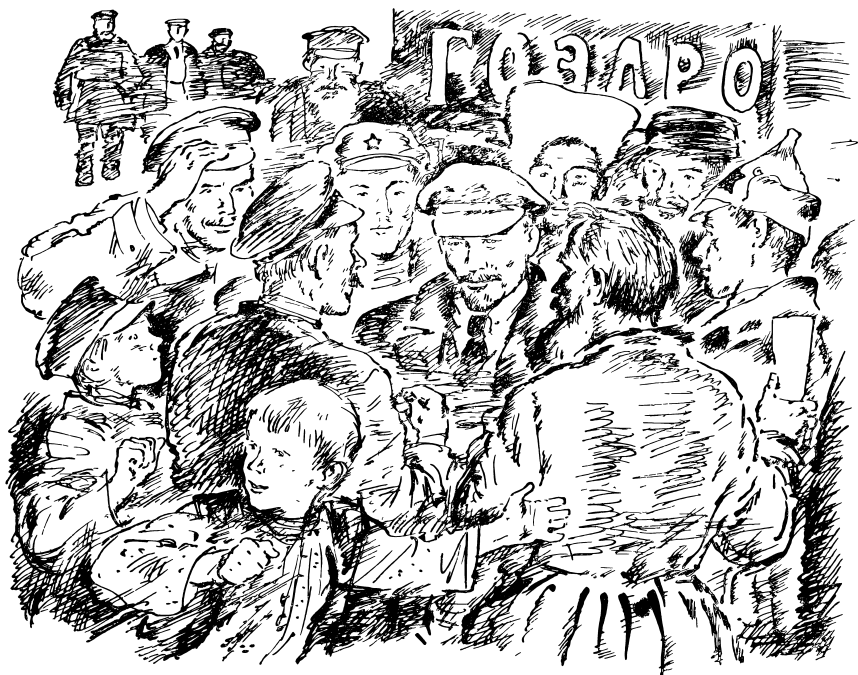
Потом все чаще в кабинет Ильича стали приходить ученые с чертежами электростанций и картами размещения промышленных объектов. Со вздохом облегчения снял в прошлом году Владимир Ильич со стены последнюю военную карту Дальнего Востока. Но появилась новая, с заштрихованными огромными районами, пораженными засухой и голодом.

Вот снята и эта карта. Теперь все помыслы, все устремления, вся энергия народа — на созидательный, мирный труд.

Тридцать лет невероятно напряженного труда, особенно последние пять лет, надломили здоровье Владимира Ильича. Но теперь болезнь, кажется, отступает.

Надежда Константиновна вспомнила, как в прошлом году Владимир Ильич заполнял анкету для Всероссийской переписи членов партии. На тринадцать вопросов, касающихся службы в армии, участия в гражданской войне, ранений, ответил одним словом: «нет». «А две вражеские пули, из которых

одна до сих пор сидит под сердцем?» — спросила Надежда Константиновна. «Эти ранения получены не в бою», — ответил Владимир Ильич. «В бою, и в каком еще страшном бою!» — подумала она.

Как ни надвигал на брови Владимир Ильич кепку, люди узнавали его. «Ильич на выставке!», «Ильич приехал», «Ленин!.. Ленин!..» — и со всех сторон спешили к карте ГОЭЛРО. Владимир Ильич оказался в восторженном людском водовороте. Надежда Константиновна не на шутку разволновалась.

Но начальник охраны со своими помощниками оказался тут же, он освободил дорогу, Владимир Ильич сел в машину, приветственно помахал рукой. Он был радостно возбужден. Это были поистине счастливые минуты его жизни.

...По дороге в Горки он насвистывал «Марсельезу», как всегда, когда был в очень хорошем настроении.

Для младшего возраста

Зоя Ивановна Воскресенская

ПОЕЗДКА В БУДУЩЕЕ

ИБ № 2731

Ответственный редактор

И. В. Омельк

Художественный редактор

М. Д. Суховцева

Технический редактор

Н. Д. Лаукус

Корректор

Л. А. Рогова

Сдано в набор 31/X 1977 г. Подписано к печати 1/II 1978 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 1,86. Уч.-изд. л. 1,18. Тираж 300 000 экз. Заказ № 1378. Цена 5 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушеvский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге издательство просит присылать по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Воскресенская З. И.

В76 Поездка в будущее. Исторический рассказ. Рис.
В. Бескаравайного. М., «Дет. лит.», 1978.

30 с. с ил.

Исторический рассказ о том, как Владимир Ильич Ленин посетил первую Сельскохозяйственную выставку Советского государства в 1923 году.

В 70802—099
М101(03)78 342—78

ЗК26

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

Цена 5 коп.

Зоя Воскресенская

ПОЕЗДКА В БУДУЩЕЕ

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"